

ТОЛСТОЙ И ДОСТОЕВСКИЙ: ДВА ОБРАЗА ОБРЕТЕНИЯ БОГА

Родин Кирилл Александрович,

кандидат философских наук,

старший научный сотрудник

Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0002-6582-8939

rodin.kir@gmail.com

Аннотация

Религиозное противопоставление (или противостояние) Толстого и Достоевского было оформлено (или даже было во многом создано) и широко разошлось в работах отдельных авторов русской религиозной философии. Почти безоговорочное принятие (или хотя бы сочувствие) религиозности Достоевского наряду с известной критикой поздних религиозных сочинений Толстого жестко закрепилось в православном и общекультурном сознании. Однако противостояние никогда не было принято всерьез. В статье мы хотим обозначить непреодолимую пропасть между двумя художественными образами обретения Бога на примере отношения Раскольникова и Сони Мармеладовой, с одной стороны, и отца Сергия (Степана Касатского) и Пашеньки (Прасковьи Михайловны) – с другой. Избранные примеры парадигматического характера, и они могут быть распространены на другие художественные и религиозные (а также публицистические) работы Достоевского и Толстого. Из наследия русской религиозной философии для рассмотрения избранных в статье литературных произведений («Преступление и наказание» и «Отец Сергий») наибольшее и характерное значение имеет текст Сергея Булгакова «Человекобог и человекозверь». Заданное С. Булгаковым противопоставление Толстого (на примере поздних художественных произведений) и Достоевского (на примере фигуры старца Зосимы) рассматривается нами как *misunderstanding*. Отмечено, что С. Булгаков предвзято понимает и трактует религиозный смысл поздних художественных текстов Толстого. В статье мы предлагаем другое прочтение «Отца Сергия» и по-другому ставим вопрос о различии в (художественных) образах обретения Бога в текстах Льва Толстого и Федора Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Толстой, русская религиозная философия, подпольное сознание, диалог, спасение.

Библиографическое описание для цитирования:

Родин К.А. Толстой и Достоевский: два образа обретения Бога // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 2. – С. 491–501. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-491-501.

Современный церковный исследователь в расхождении Достоевского и Толстого видит «мистическое предупреждение» Толстому об ошибочности «выбранного пути». Исследователь даже принимает странную аналогию другого малоизвестного автора: «...запись Л. Толстого от 4 марта 1855 года подозрительно напоминает программу Великого инквизитора!» [9, с. 182, 185]. В дневниковой записи Толстой записывает «великую громадную мысль» основания «очищенной от веры и таинственности» религии Христа [12, с. 37]. После публикации дневников запись вызвала и продолжает вызывать в религиозных кругах недоумение и чаще негодование вперемешку с чувством оскорбленной совести. Достоевский на долгое время становится союзником в борьбе с религией Толстого. Навязанное литературной критикой и русскими религиозными философами противопоставление писателей хорошо прослеживается по некоторым статьям из сборника 1912 года «О религии Льва Толстого» [8]. Обвинение в народобожии вместе с «невысказанной трагедией» и искренней жалостью по несостоявшемуся примирению с институтом церкви часто прописываются через положительный пример другого решения «вопросов веры» в сочинениях Достоевского.

Рассмотрим текст С. Булгакова «Человекобог и человекозверь» [4]. Поздние художественные произведения Толстого прочитываются Булгаковым как свидетельства бессилия человека перед пропастью зла. «Вопль религиозного отчаяния и сомнения» и «стон человеческого бессилия» при сознании «силы и непобедимости греха» якобы сближают писателя с церковным христианством. ...Основная тема «Отца Сергия» есть якобы «неодолимое могущество дьявола и бессилие добра» [4, с. 81] (далее ссылки на этот текст приводятся с указанием страницы в круглых скобках). Церковное христианство признает падшесть человеческой природы и неспособность человека собственными силами бороться с грехом. Из признания могущества «зла и греха в человеческой душе» (именно здесь писатель и художник, в отличие от моралиста и учителя, якобы согласен с церковным христианством) единственным выходом видится искупительная жертва и благодать. Предоставленный собственным силам человек не способен окончательно победить грех. В продолжении распространенного противопоставления Толстой представляется Булгакову неспособным совместить собственную «религию самоспасения» с художественным глубоким сознанием зла. Потому и отказ от искупительной жертвы вместе с отказом

от подаваемой в таинствах церкви благодати приводит Толстого к отчаянию – поздние художественные тексты якобы свидетельствуют отчаяние и безысходность. Спасение требует отрицаемую религиозным рационализмом «помощь сверхъестественного откровения». Булгаков указывает на несовместимость зла «вследствие незнания или заблуждения» (75) (такое понимание зла вчитывается в религиозное и моральное учение Толстого) с сознанием глубинной непреодолимости зла и греха.

«...свет совести ... только открывает силу и глубину греха» (59). Совесть может быть больной. Знание силы и глубины греха может не быть достаточным для спасения...

Булгаков прочитывает поздние художественные тексты Толстого как свидетельство ошибочности выбранного писателем пути и неверного понимания христианства. Однако действительно ли основная тема «Отца Сергия» – «могущество дьявола и бессилие добра»?

Безосновательное и резкое суждение Булгакова: «церковный религиозный опыт, которого Толстой не понимал, не знал и знать не хотел» – заставляет предположить неправильность и несоответствие Сергия принятому описанию монашеской жизни православных подвижников. «Сергий ведет отчаянную и непосильную борьбу с демоном гордости ... изнемогает в бессильном стремлении получить дары любви и застывает в холоде богооставленности, безблагодатности...» (93). Сергий поступает в монастырь не из любви к Богу. Настоящие мотивы – «поруганная гордость» и «самобичевание бессильного гордеца». Сергия «тяготит чувство пустоты ... духовного безвкусица» (94). Один автор верно подметил несправедливость Булгакова: «Толстой вовсе не планировал нарисовать точный образ русского православного монашества» [10, с. 132]. Однако пафос полемики очевидно ударяет на безблагодатность и «холод богооставленности». Позиция Булгакова дополняется пренебрежением последними частями повести. Жизнь Сергия после бегства из монастыря принимается за «дидактический элемент». Художественная неубедительность развязки «ослабляют силу и значение ... рассказа» (92). Опыт Сергия непонятен Булгакову. Нужно было остановиться на падении или на самоубийстве – на художественно убедительном торжестве зла.

Текст завершается подробным противопоставлением отца Сергия и старца Зосимы.

Современный автор пишет: «У Толстого (равно как и у Достоевского) приход героя к Богу связан с женскими образами» [13, с. 135].

Дальше мы будем говорить про Соню Мармеладову и вернемся к Толстому в конце.

Набоков не выносил Достоевского. В «Лекциях по русской литературе» читаем: «В начале сцены покаяния убийца Раскольников открывает <...>

благодаря Соне Новый Завет. <...> затем следует фраза, не имеющая равных по глупости во всей мировой литературе: “Отарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги”. “Убийца и блудница” и “вечная книга” – какой треугольник! Это ключевая фраза романа и типично Достоевский риторический выверт» [7, с. 182]. Соединение «в одном порыве фальшивого красноречия» убийцы и блудницы представляется Набокову невозможным ни для великого художника, ни для истинного христианина, ни для настоящего философа. Однако интерес писателя к таким образам можно объяснить предшествующей литературной традицией. Л. Гроссман пишет: «Французский роман-фельетон задолго до Гюго развивает такие соединения крайностей, как прелесть безобразия, честность каторги или целомудрие проституции» [5, с. 36]. М. Бахтин заходит еще дальше: «Знаменитая сцена первого посещения Сони Раскольниковым (с чтением Евангелия) является почти завершенной христианизированной менишпеей: острые диалогические синкризы (веры с неверием, смирения с гордостью), острая анакрива, оксюморные сочетания (мыслитель – преступник, проститутка – праведница), обнаженная постановка последних вопросов и чтение Евангелия в труппной обстановке» [4, с. 175]. Мы пока оставим в стороне вопрос о возможности или о последствиях христианизации менишпей и сосредоточимся на значении Сони в «преображении» Раскольникова.

В первоначальном варианте Раскольников должен был застрелиться. Аллен объясняет отказ от первоначального варианта «логическим выходом к закону стихии ... к закону земли»: «только через стихию можно общаться с людьми» (см. подробнее [1, с. 233]).

Странным изворотом больной и душевной совести Раскольникова становится невероятная идея права на убийство. Но основа сюжета не проверка и не опровержение идеи. Шаткость идейных построений видна Раскольникову до убийства: «Сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь, и заранее предчувствовал, что скажу себе это уже после того, как убью! Да разве с таким ужасом что-нибудь может сравниться!» [6, с. 211] (далее ссылки на этот текст приводятся с указанием страницы в круглых скобках). Или в другом месте: «Как смел я, зная себя, предчувствуя себя, брать топор и кровавиться! Я обязан был заранее знать... Э! да ведь я же заранее и знал!..» (210). Внутренняя злость и ненависть героя, зарождение и развитие которой можно оставить без рассмотрения, постоянно перемещаются и переносятся с собственной личности на окружающий мир и других людей.

Раскольников как бы ненавидит собственную ненависть и потому только усиливает ненависть к другим. Не может вырваться из круга ненави-

сти подпольного сознания и как бы постоянно крутит в собственном уме: «подлец человек и подлец тот, кто его за это подлецом называет». Хотя и говорит иногда совершенно другое: «Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить – только жить!..» (123). Именно возвращение жизни и замыкание круга ненависти (только потом – несостоятельность идеи права на убийство и пр.) составляют внутреннюю основу и драматизм сюжета. Раскольников несколько раз на протяжении романа выходит из ловушек подпольного сознания. Удивляется: «Мать, сестра, как любил я их! Отчего теперь я их ненавижу? Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить...» (212). Или видит в Соне собственное отражение: «Тем ты грешница, что понапрасну умервила и предала себя. Еще бы это не ужас!» (247).

Главный поворотный момент происходит в разговоре с Соней: «Неожиданное ощущение какой-то едкой ненависти к Соне прошло по его сердцу <...> испугавшись <...> он вдруг поднял голову и <...> встретил <...> до муки заботливый взгляд <...> тут была любовь <...> ненависть его исчезла» (314). Герой совершенно понимает (только не до конца признает): «Да я озлился и не захотел. Именно озлился (это слово хорошее!). Я тогда, как паук, к себе в угол забился <...> О, как ненавидел я эту кошку! А все-таки выходить из нее не хотел» (320). И наконец: «О, если б я был один и никто не любил меня, и сам бы я никого никогда не любил! Не было бы всего этого!» (не сдался бы идти на каторгу) (401).

Бахтин очень верно замечает: «С самого начала дается некоторое устойчивое и содержательно неизменное смысловое многообразие <...> происходит лишь перемещение акцентов». Из исповеди Мармеладова Раскольников «до убийства узнает голос Сони». «Раскольников встретился с Мармеладовым и узнал всю историю Сони <...> будущие ведущие герои романа уже отразились в сознании Раскольникова, вошли в диалогизованный внутренний монолог» (см. соответственно [3, с. 267] и [3, с. 87]). Перемещение акцентов производит перемену в герое. Соня останавливает круг ненависти и возвращает героя в стихию жизни. Раскольников никогда не ненавидел до конца заботу людей (голоса других людей приглушенно звучали в главном герое) и по характеру был бескорыстным и даже жалостливым. После отбытия на каторгу читаем: Раскольников «предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь <...> не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома» (418). Раскольникову снится известный сон про разрастающуюся взаимную ненависть, и возникает небывалое чувство тоски и заботы по заболевшей Соне.

Прямого религиозного обращения не происходит. Никогда Раскольников не разделял религиозного восторга и «радостного ожидания» Сони. Однако ненависть исчезает. Соня необходима Раскольникову как един-

ственное собственное отражение и близкая погубленная душа. Действительные или созданные читателем черты характера Сони не могут объяснить перемену героя. Можно усматривать в Соне «опыт живого общения с личным Богом», или «высокий образец святости» [2, с. 43]. Однако самопожертвование и любовь Сони получают значение только на фоне слов Раскольникова: «Тем ты грешница, что понапрасну умертвила и предала себя. Еще бы это не ужас!» Вне узнавания родственной погибшей души зарождающееся соотрадание Раскольникова осталось бы безответным голосом внутри собственного сознания (как и случалось на протяжении романа). Ни забота Разумихина (удивительно положительный и несправедливо нелепый персонаж), ни любовь матери и сестры не смогли бы переменить героя. Любовь Сони имеет силу на фоне ее бесконечной жертвы, бесконечной вплоть до получения желтого билета ради отца и мачехи с чужими детьми. Но и сострадание Сони могло быть встречено и принято только Раскольниковым. «Убийца и блудница» – странный диктат литературной формы мениппеи по Бахтину.

Совершенно иначе встречается Пашеньку Сергей.

В ритм монашеской жизни отца Сергия однажды вторгается чужеродный ритм природы: «И вдруг, среди псалма, откуда ни возьмись, воробей слетел с куста на землю и, чиликая и попрыгивая, подскочил к нему, испугался чего-то и улетел. <...> лист только что разлопушился на берегах, осинах, вязах, черемухах и дубах. Черемуховые кусты за вязом были в полном цвету и еще не осыпались. Соловьи, один совсем близко и другие два или три внизу в кустах у реки, шелкали и заливались» [11, с. 34] (далее ссылки на этот текст приводятся с указанием страницы в круглых скобках). Вдруг снова: «Он сложил руки и стал молиться. Соловьи заливались. Жук налетел на него и пополз по затылку» (35). После падения и бегства из монастыря заставлявший сомневаться в существовании Бога ритм природы, словно пробуждение от долгого сна, незаметно захватывает Сергия. Сергей «вышел по тропинке под гору к реке, у которой не был четыре года. <...> Вдоль реки шла дорога. <...> В обед он вошел в рожь и лег» (37). Вторжение природы завершается освободительным сном. «И во сне он увидал ангела, который пришел к нему и сказал: “Иди к Пашеньке и узнай от нее, что тебе надо делать, и в чем твой грех, и в чем твое спасение”» (38).

Обратимся к сюжету. Касатский «выдавался блестящими способностями и огромным самолюбием» (5). Оскорбленное самолюбие и заставляет его поступить в монастырь. И только «одна сестра, такая же гордая и честолюбивая, как и брат, понимала его». Однако «в нем было и другое, истинно религиозное чувство» (11) (Булгаков на это не обратил внимания!). Дальше читаем: «Кроме того чувства сознания своего превосходства над другими, которое испытывал Касатский в монастыре, Касатский так же, как

и во всех делах, которые он делал, и в монастыре находил радость в достижении наибольшего как внешнего, как и внутреннего совершенства» (11). На четвертый год монашества отца Сергия переводят «в близкий к столице монастырь» (14), где из-за навязанной встречи с прежним знакомым из светского мира Сергей теряет самообладание. Просит у игумена и братии монастыря прощения за собственную гордость и пишет письмо старцу с просьбой «перейти назад в монастырь старца». «Он писал, что чувствует свою слабость и неспособность бороться один против соблазнов без помощи старца. И каялся в своем грехе гордости». В ответ старец направляет Сергия в скит «смирить гордыню» (16).

Из гордости идет борьба с гордостью. Вера пропитана сомнением. Удостоверение веры становится источником гордости. Брошенный мир сильнее удерживает и возвращает отвергнутые соблазны. Возвращается «бывший полковой командир полка». Возвращается покинутый мир светской игры и «привычного обращения с дамами». Только в конце французская речь, кроме смирения, не может вызвать в Сергии никакого чувства.

Допустим дальнюю аналогию между ненавистью Раскольникова и гордостью Сергия. Ненависть и гордость равно придают жизни зловещую круговую замкнутость и навязывают губительные способы действия. Самоубийство грозило обоим. Оба убийцы (хотя фактически Сергей не убивал). В остальном – страшная пропасть. Если Раскольников постепенно возвращается в мир людей, то Сергей уходит дальше и дальше. Ненависть Раскольникова не распространяется единственно на Соню. Гордость Сергия утрачивается вместе с ложной верой и ненужной бессмысленной борьбой и сменяется воспоминанием детской невинной веры и детского Бога. Сергей идет восстановленным забытым путем. Раскольников кроме Сони и без Сони не мог бы ничего.

Трудны и ускользают от понимания слова Сергия после встречи с Пашенькой: «Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей» (44). Нужно понять разговор и встречу Сергия с Пашенькой. В Пашеньке скрыто действует Бог. Жизнь Пашеньки не **жизнь перед лицом** Бога, но какая-то тайная и благословенная Богом жизнь.

После бегства из монастыря во сне-воспоминании отец Сергий видит Пашеньку из детства: «И вот им, в компанию мальчиков, приводят эту Пашеньку. И надо с ней играть, а скучно. Она глупая. Кончается тем, что ее поднимают на смех, заставляют ее показывать, как она умеет плавать. Она ложится на пол и показывает на сухом. И все хохочут и делают ее душой. И она видит это и краснеет пятнами и становится жалкой, такой жалкой, что совестно и что никогда забыть нельзя этой ее кривой, доброй, покорной улыбки» (37). Дальнейшая несчастливая и бедная жизнь только

сохранила в Пашеньке добрую и покорную улыбку. «Она не могла физически почти переносить недобрые отношения между людьми» (39). Пашенька не видит и не различает хоть какую-нибудь собственную доброту: «я прожила самую гадкую, скверную жизнь, и теперь Бог наказывает меня, и поделом» (41). Воспоминание покойного пьяницы и бездельника мужа вызывают страдание и вину за ревность и сцены из-за пьянства. Сейчас Пашенька помогает дочери, зятю, внукам, на ней дом, готовка, заработок. Сергей видит скрытое тайное действие потерянного Бога в жалости и жалком образе Пашеньки и понимает: «Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать его» (44).

Жизнь для людей не только гордость. Но и действие ставшего гарантом (предлогом) выдуманного и выращенного (воспринятого) при монастыре Бога. Для Сергея при монастыре «видимый» Бог оправдывает и делает скрытым единственное (зловещее) наполнение жизни – человеческую славу.

Пашенька живет и воображает, что живет для людей, но по-настоящему живет для Бога. Жизнь Пашеньки тайно разворачивается в жизнь для Бога. И Сергей видит в Пашеньке тайное благословение.

Голос Сони постоянно звучит в «диалогизированных» мыслях и муках Раскольникова. Тут победа или поражение одного голоса и сознания внутри другого голоса и сознания. В таком голосе всегда присутствует возможность высшего Иного. Всегда кто-то может сказать: «...со мной говорил Бог. Я узнавал Его в муках Раскольникова <...> в сострадании и в силе Сони» [2, с. 12].

Пашенька не голос и не сознание. Через Пашеньку Бог действует в тайном молчании. Поэтому противопоставление «трансцендентной» надежды на искупление и отчаяния никак не накладывается на повесть Толстого (вопреки Булгакову).

В профанном ритме природы, в дороге, в бегстве, в уходе и в странничестве, в новом слове Евангелия и в незамеченном добром деле (в «поданной без мысли о награде» чашке воды) действует Бог.

Сомнение Сергея **в существовании** Бога сменяется чем-то несомненным. «И понемногу Бог стал проявляться в нем».

Литература

1. Аллен А. «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 15. – С. 228–236.
2. Барсотти Д. Достоевский: Христос – страсть жизни. – М.: Паолине, 1999. – 249 с.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963; Работы 1960-х – 1970-х гг. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.

4. Булгаков С. Человекобог и человекозверь. (По поводу посмертных произведений Л.Н. Толстого «Дьявол» и «О. Сергей») // Вопросы философии и психологии. – 1912. – Кн. 112 (II). – С. 55–105.
5. Гроссман А. Поэтика Достоевского. – М.: Гос. акад. худож. наук, 1925. – 191 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. – СПб.: Наука, 1973. – 423 с.
7. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – СПб.: Азбука, 2010. – 446 с.
8. О религии Льва Толстого / С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, Евг. Трубецкой, В.И. Экземплярский, А. Белый, Н.А. Бердяев, А.С. Волжский, Вл. Эрн. – М.: Путь, 1912. – 248 с.
9. Ореханов Г. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. – М.: Эксмо, 2016. – 602 с.
10. Тамке М. Религия Толстого: духовная биография. – М.: Изд-во ББИ, 2015. – 232 с.
11. Толстой Л.Н. Отец Сергей // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. – М.: Художественная литература, 1954. – Т. 31. – С. 5–46.
12. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 47. Дневники и записные книжки, 1854–1857. – М.: Художественная литература, 1937. – 615 с.
13. Федосеевко Н.Г. Пустынники и странники в творчестве Л. Толстого // Известия Уральского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2009. – № 1–2 (63). – С. 130–137.

Статья поступила в редакцию 07.08.2021.

Статья прошла рецензирование 29.08.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-491-501

TOLSTOY AND DOSTOEVSKY: TWO IMAGES OF FINDING GOD

Rodin Kirill,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS,

8 Nikolayeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6582-8939

rodin.kir@gmail.com

Abstract

The religious opposition of Tolstoy and Dostoevsky was formalized (or even created) and was significantly widened in the works of Russian religious philosophy. The almost unconditional acceptance (or at least sympathy) for Dostoevsky's religiosity, along with distrust and well-known criticism of Tolstoy's later religious works, was firmly entrenched in the Orthodox and general cultural consciousness for more than a century. However, the confrontation was never taken seriously. We want to outline the insurmountable chasm between two images of finding God using the example of the relationship between Ras-kolnikov and Sonya Marmeladova on the one hand, and Father Sergius (Stepan Kasatsky) and Pashenka (Praskovya Mikhailovna) on the other. These examples are of a paradigmatic nature and can be extended to other artistic and religious (in Dostoevsky's case, journalistic) works of Dostoevsky and Tolstoy. From the legacy of Russian religious philosophy for the consideration of the works selected in the article ("Crime and Punishment" and "Father Sergius"), Bulgakov's "The Man-God and the Man-Beast" has the greatest and characteristic value. The opposition set by Bulgakov between Tolstoy (using the example of later works) and Dostoevsky (using the figure of the elder Zosima) is considered a misunderstanding by us. Bulgakov biasedly understands the religious meaning of Tolstoy's later texts. We offer a different reading of "Father Sergius" and raise the question of different images of the attainment (finding) of God in the texts of Tolstoy and Dostoevsky anew.

Keywords: Dostoevsky, Tolstoy, Russian religious philosophy, underground consciousness, dialogue, salvation.

Bibliographic description for citation:

Rodin K. Tolstoy and Dostoevsky: Two Images of Finding God. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 2, pp. 491–501. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-491-501.

References

1. Allen L. "Krotkaya" i samoubiitsy v tvorchestve Dostoevskogo ["Meek" and suicides in the works of Dostoevsky]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 15, pp. 228–236.

2. Barsotti D. *Dostoevskij: la passione per Cristo*. Padova, Edizioni Messaggero, 1996 (Russ. ed.: Barsotti D. *Dostoevskii: Khristos – strast’ zhizni*. Moscow, Paoline Publ., 1999. 249 p.).
3. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii*. V 7 t. T. 6. *Problemy poetiki Dostoevskogo, 1963; Raboty 1960-63 – 1970-63 gg.* [Complete works. In 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky’s poetics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., 2002. 799 p.
4. Bulgakov S. Chelovekobog i chelovekozver’. (Po povodu posmertnykh proizvedenii L.N. Tolstogo “D’yavol” i “O. Sergii”) [Man-God and Man-Beast (Concerning the posthumous works of L.N. Tolstoy “The Devil” and “O. Sergius”)]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1912, bk. 112 (II), pp. 55–105. (In Russian).
5. Grossman L. *Poetika Dostoevskogo* [Dostoevsky’s poetics]. Moscow, Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk Publ., 1925. 191 p.
6. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 30 t. T. 6. *Prestuplenie i nakazanie* [Complete works. In 30 vols. Vol. 6. Crime and Punishment]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1973. 423 p.
7. Nabokov V.V. *Lektsii po russkoi literature* [lectures on Russian literature]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2010. 446 p.
8. *O religii L’va Tolstogo* [About the religion of Leo Tolstoy]. Moscow, Put’ Publ., 1912. 248 p.
9. Orekhanov G. *Lev Tolstoi. “Prorok bez chesti”: khronika katastrofy* [Lev Tolstoy. “A Prophet Without Honor”: A Chronicle of the Catastrophe]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 602 p.
10. Tamcke M. *Religiya Tolstogo: dukhovnaya biografiya* [Tolstoy Religion. A Spiritual biography]. Moscow, BBI Publ., 2015. 232 p. (In Russian).
11. Tolstoy L.N. Otets Sergii [Father Sergius]. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 90 t. T. 31 [Complete works. In 90 vols. Vol. 31]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1954, pp. 5–46.
12. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 90 t. T. 47. *Dnevnik i zapisnye knizhki, 1854–1857* [Complete works. In 90 vols. Vol. 47]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1937. 615 p.
13. Fedoseenko N.G. Pustynniki i stranniki v tvorchestve L. Tolstogo [Hermits and wanderers in the works of L. Tolstoy]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki = Izvestia Ural State University. Series 2, Humanities and Arts*, 2009, no. 1–2 (63), pp. 130–137.

The article was received on 07.08.2021.

The article was reviewed on 29.08.2021.